

Эссе
«Труженник, солдат, патриот»

Выполнила
учитель русского языка и литературы
МБОУ Старокарачинская СОШ
Чановского района
Новосибирской области
Ивлева Тамара Ивановна

2015 год

Труженик, солдат, патриот.

Хорошо помню этого человека. Тяжёлая поступь, прямая походка, опущенные, смотрящие под ноги глаза. Медлителен. Речь тягучая, акцентированная, с некоторым металлическим налётом. Нас, учеников Старокарачинской восьмилетней школы, встреча с ним повергала в состояние столбняка. Разговоры мгновенно смолкали. Мы невольно вытягивались во фронт, как солдаты на военном параде. Чувствовался внутренний холодок. Он, не поднимая и не поворачивая головы, а лишь едва кивая ею, величественно прошагивал мимо. Если ему нужен был кто-то из стоящих в школьном коридоре ребят, он притормаживал, медленно разворачивался, устремив на бедного школяра свой единственный глаз, и металлическим голосом, вытянув вперёд указательный палец правой руки, начинал что-то выговаривать, чеканя каждое слово. Надо было видеть лицо этого несчастного ученика, который был ни жив ни мёртв, с трясущимися коленками, про себя моля господ Бога, чтобы эта словесная экзекуция побыстрее закончилась. Особенно доставалось курильщикам. Вздох облегчения проносился по коридору, когда он скрывался за дверью с табличкой «Директор школы».

Михаил Михайлович Лозанов, которого мы за глаза звали «Мих-Мих», отработал в нашей школе ни много ни мало двадцать лет, восемнадцать из которых руководил нашей «альма-матер». Детьми мы, конечно, не могли как-то критически относиться к этому человеку. Тогдашнее, советское воспитание не позволяло этого делать. Да и мыслей подобных никогда не возникало. В школе существовало единоначалие, абсолютная «монархия» Михаила Михайловича, если хотите, лозановская гегемония. И никто этому не препятствовал. Я не помню ни одного случая недовольства со стороны учителей и родителей, не говоря уже об учениках, методами его руководства. В школе была строжайшая дисциплина и идеальный порядок. Сейчас, по прошествии многих лет, став учителем и всю жизнь проработав с детьми, я понимаю, что авторитарный стиль руководства нашего директора был в

какой-то мере оправдан. Он – бывший фронтовик, командир стрелкового отделения, затем взвода, секретарь комсомольской организации батальона, при форсировании Днепра тяжело раненный и лишившийся глаза, перенёсший суровые военные будни, по определению не мог быть человеком мягким, проповедующим «педагогический либерализм». Он любил во всём порядок. А этого можно было добиться требовательностью, строгостью, дотошностью и в какой-то мере придирчивостью. Но такую оценку я могу себе позволить сейчас. А тогда...

Звенит звонок на урок истории. Все взволнованны. Он, как всегда, входит в класс, чуть кивая, садится за учительский стол. Начинается опрос-беседа. «История Древней Греции», «Рим и Карфаген», «Завоевательные войны Александра Македонского», «Завоевательные войны Рима и превращение наёмных армий в провинции» - в голове почему-то отложилась история античности. *«Очень часто Александр бросался в гущу схватки. Он много раз был ранен: под Газой дротиком в плечо, в Гиркании – камнем в затылок, после чего ухудшилось зрение и в течение нескольких дней он оставался под угрозой слепоты...»*, - вещает нам учитель. В это время он сам, как Александр Македонский, бросается в гущу событий и завоёвывает наши умы и сердца. Мы с придыханием слушаем рассказ и мысленно представляем батальные сцены, так художественно описанные учителем истории.

Он многое нам дал, многому научил. Как у Пушкина,

*Он создал нас, он воспитал наш пламень,
Поставлен им краеугольный камень,
Им чистая лампада возжена...*

Я не припомню ни одного урока либо внеклассного занятия, чтобы Михаил Михайлович рассказывал о том, где и как он воевал. На это, по всей видимости, было наложено табу. Хотя выступать перед любой аудиторией он любил и делал это мастерски. Долгое время, до самой смерти, он

возглавлял Совет ветеранов Великой Отечественной войны. По долгу службы ему приходилось демонстрировать своё ораторское искусство. Но в его речи были лишь общие слова о войне, о Великой Победе, о героизме советского народа, победившего фашизм, о тяжёлых военных и послевоенных буднях. И ни слова о себе. Это был скромный человек. С одной стороны. С другой, он не хотел вспоминать трагические минуты своей юности. Ведь когда началась война, ему едва исполнилось семнадцать. Не хотел вспоминать о тяжелейшем ранении, в результате которого у него появился протез вместо левого глаза.

Михаил Михайлович, этот суровый, непреклонный, принципиальный человек-камень, был в то же время любящим и заботливым мужем и отцом. Клавдия Яковлевна работала вместе с ним в нашей школе, преподавала биологию и географию. Она была для него опорой, критиком и имиджмейкером. Но беспрекословно, как рядовой генералу, подчинялась и выполняла все его просьбы и требования. Попробуй такому человеку, каковым был её муж, скажи что-нибудь против! Он это не очень любил и всегда говорил безапелляционным тоном. Я этому не раз была свидетелем. Особенно тогда, когда сдружилась с его дочками, Надей, Олей и Татьяной, и встречалась с ним в неформальной обстановке. Но чаще у них бывала тогда, когда главы семейства не было дома.

А ведь он был дома очень редко. Хотя жил от школы в двух шагах. Работа директором предполагала некую жертвенность. На первом месте у него была работа. Он подолгу засиживался в своём кабинете или осматривал владения, делая замечания своим подчинённым.

Школа у нас была небольшая, восьмилетка. Но это по статусу. А по количеству обучающихся в ней ребят превосходила современные средние учебные заведения раза в три. Имелись мастерские, где проходили уроки трудового обучения для мальчиков, спортзал, большущий огород и благоухающий всё лето-осень цветник. И всё это хозяйство стараниями руководителя было доведено по тогдашним меркам до совершенства. Он

никогда не считался со временем, его рабочий день был ненормированным. Денно и ночью решались школьные проблемы. Кроме основной должности, он занимал другие «ключевые» посты в селе: профкомы, месткомы, парткомы, а затем и ветеранская организация. Общественной работе не было конца. И везде, какую бы работу ни выполнял, трудился добросовестно, с самоотдачей, не щадя ни себя, ни других. Это было в его характере. Целеустремлённость, твёрдость и решительность, доброта и здоровый оптимизм благополучно уживались в нём. Старая армейская закалка помогала ему переносить все трудности.

А ещё он был настоящим коммунистом, преданным родной партии до конца дней своих. Об этом нужно сказать особо. Все партийные решения, все коммунистические идеи, которыми было охвачено наше общество, Михаил Михайлович старался донести до нас и до односельчан. Он был не просто коммунистом, он был коммунистом до мозга костей. До фанатизма.

Наверное, поэтому страна победила в кровопролитной войне, что была охвачена коммунистической идеологией, единым патриотическим порывом, духом победителя. Страна – это сотни, тысячи, миллионы солдат. И Михаил Михайлович Лозанов – один из этих миллионов – труженик, солдат и патриот.